События в Новороссийске после публикации царского манифеста (17 октября 1905 г.)

Прочее

Утром 18 октября 1905 г. в Новороссийске стало известно о высочайшем манифесте 17 октября. Весть об этом быстро облетела город и в тот же день громадная толпа людей, главным образом, учащейся молодежи, которыми руководили учителя местной гимназии, с красными флагами, на которых виднелись надписи: «Долой самодержавие», «Да здравствует восьмичасовой труд» и пением марсельезы двинулись из города по Серебряковской улице на «Стандарт» - к мастерским Владикавказской железной дороги. Здесь, на улице, возле товарной конторы состоялся под открытым небом первый митинг, на котором социал-демократы выступили с речами противоправительственного содержания. Оратор в своей речи, цитируя высочайший манифест, умышленно искажал смысл последнего, убеждая вместе с тем толпу продолжать борьбу с правительством, которое обманывает народ, т.к. только упорной борьбой возможно будет добиться прав, дарованных манифестом. Речь свою (оратор) закончил возгласом: «Долой самодержавие», после чего публика стала расходиться.Часов в семь вечера, того же дня, на Серебряковской улице снова собралась толпа, которая направилась к Народному дому, где состоялся митинг. Первую речь произнес городской голова Никулин. С этого момента почти ежедневно происходили митинги, то в Народном доме, то в городской управе, на которых ораторами выступали, большею частью, представители крайних партий, как-то:

Николаев, Гольман, Сокольский, Зеленя, Прохоров, Нарышкин, Рабинович-Лейбович и др. Все речи сводились к тому, что не следует признавать властей и что необходимо добиться полной свободы.В двадцатых числах октября на митингах в разных частях города представителями крайних партий было сделано предложение об организации народной милиции, а вскоре на митинге в городской управе было предложено желающим записываться в вольную городскую милицию, а равно начался сбор на вооружение ее. В то же самое время городская управа решила организовать свою городскую охрану. 25 октября, на основании частного совещания гласных Новороссийской думы, избранная комиссия по организации городской охраны постановила: оружие и патроны для стражников приобрести в городе Екатеринодаре, с этой целью немедленно командировать членов комиссии Лира и Поночевного, выдав им для уплаты задатка из городских сумм 150 рублей; кроме револьверов решено купить также кобуры, шнуры и пояса, равно росить городского голову Никулина лично довести до сведения черноморского губернатора об организации городской охраны. На ходатайство городского головы Никулина о разрешении сформировать городскую охрану и вооружить ее черноморский губернатор отношением от 26 октября 1905 г. за № 9253 на имя городского головы сообщает, что удостоверения на право ношения огнестрельного оружия выдаются только отдельным лицам, а разрешение вооружить 120 человек стражников револьверами должно исходить от наместника Кавказа.Тем не менее городская управа уже с 27 октября начинает покупать у местных торговцев Бабицкого, Смовленева, Анастасьевой револьверы с патронами для вооружения стражников городской охраны; пригласить теперь же на службу в охрану как добровольцев, так и платных стражников; поручить заведующему охраной ознакомить стражников с их обязанностями, а также правилам стрельбы из револьверов, и заказать стражникам на фуражки 120 белых лент с надписью: «Городская № охрана». Еще ранее этого постановления, а именно 29 октября, отношением за № 9321 черноморский губернатор уведомляет городского голову Никулина, что наместник Кавказа на ходатайство думы организовать в городе особую вооруженную охранную

стражу ответил телеграммой, что ходатайство может быть удовлетворено лишь в смысле усиления состава полиции. Отношением от 5 ноября за № 9512 черноморский губернатор опять уведомляет городского голову Никулина, что наместник не признает возможным разрешить учреждение в Новороссийске вооруженной охранной стражи, независимой от полиции, и что охрана в г. Новороссийске может быть гарантирована лишь усилением состава полиции. 7 ноября и.д. губернатора пишет городскому голове, что упомянутое распоряжение наместника не исключает возможности организации ночного патрулирования города специальными сторожами, причем для осуществления этого проекта городским управлением необходимо выработать и установить основания, по соглашению с ним и.д. губернатора, для организации дела и издать соответствующие инструкции, коими организация ночной караульной службы должна быть поставлена в известную связь с организацией полицейской службы.Таким образом, разрешение формировать ночную городскую охрану было дано губернатором, причем, согласно инструкции, городская стража должна была занимать ночью посты и помогать полиции в наблюдении за порядком. Первое время городская охрана доходила до 80 человек и действовала совершенно самостоятельно. Бывали случаи, когда охранники выселяли из города лиц, которых считали черносотенцами. После учреждения милиции и городской охраны полиция стала фактически бездействовать, и охрана города всецело перешла в руки милиционеров и охранной стражи, которые слились настолько, что в конце ноября, во время шествия по улицам демонстрантов, снимали с постов городовых, отнимали у них револьверы, которые сдавали в городскую управу и принуждали городовых примкнуть к этой демонстрации, обещая прибавить им содержание и говоря: «теперь полиция и войска наши».Помимо города, митинги, вскоре после объявления высочайшего манифеста, стали происходить на старом и новом цементных заводах, где ораторами выступали представители революционных партий: Сокольский, «товарищ Лиза», Мамулянц и др., которые, произнося противоправительственные речи, убеждали слушателей в необходимости свергнуть самодержавие и созвать учредительное собрание.

Такого рода речи повели к тому, что в первых числах декабря 1905 года на старом цементном заводе открыто появилась боевая дружина, состоявшая из рабочих завода и вооруженная револьверами и ружьями, отобранными у населения, и пиками, сделанными там же на заводе.В то же время в городе ежедневно происходили митинги и собрания, где открыто проповедовалась ораторами борьба с правительством, свержение монархии и введение вместо нее демократической республики. С половины ноября комитеты крайних партий стали функционировать почти совершенно открыто и вести энергичную организацию рабочих союзов. В этот же промежуток времени ими было выпущено несколько тысяч прокламаций, призывавших население к свержению монархии и к вооруженной борьбе с правительственной властью, а казаков и солдат к соединению для этой борьбы (вместе) с народом. 15 ноября началась почтово-телеграфная забастовка.В том же месяце забастовали гимназии, а 20 ноября забастовали портовые рабочие, выставившие требование об уничтожении артелей. К ним примкнули артельные рабочие, которые, в свою очередь, предъявили требование к коммерческому агентству об уплате им 140.000 рублей. За нарушение условия – допущением поденных рабочих препятствовать их работе. Забастовки эти были вызваны деятельностью агитаторов крайних партий, дабы иметь в своих руках массу свободных рук для вооруженной борьбы с правительством.Ноябрьские события в Севастополе вызвали грандиозную демонстрацию в Новороссийске.22 ноября стараниями крайних партий была устроена процессия. Впереди шла вооруженная дружина с ружьями и револьверами, среди которых виднелись черные и красные флаги с надписями: «смерть тиранам», «да здравствует свобода», позади шел оркестр музыки, а затем несли, в виде трофея, шашки, отобранные у городовых, которых толпа, в 300-400 человек, насильно повела из полицейского участка к старым цементным заводам, где, отобрав у них оружие, заставила примкнуть к демонстрации. Под звуки марсельезы десятитысячная толпа двинулась по портовой набережной в город. На площади процессия остановилась, и ораторы говорили речи, призывая к вооруженной борьбе с правительством,

которое, по словам ораторов, находится при последнем издыхании, так что достаточно сплотиться и сделать последний натиск, чтобы раздавить узурпаторское правительство, находящееся в конвульсиях, но не желавшее выпустить из своих рук «сладкого пирога». Дорогою остановились у таможни, где по требованию манифестантов приспущен в знак траура национальный флаг. Всю дорогу гремела марсельеза, чередовавшаяся с похоронным маршем. У городской управы снова остановились и там с балкона ораторами были произнесены речи на ту же тему. Затем толпа двинулась дальше на Соборную площадь и, подойдя к казармам местного гарнизона, пытались путем речей и раздачи прокламаций склонить солдат перейти на их сторону. Когда же им это не удалось, то пошли к церковной ограде, где была отслужена панихида по мятежным севастопольским морякам.В конце ноября или в начале декабря казаки 17 пластунского батальона, подлежащие отправлению в Батум для усиления гарнизона, благодаря распространению между ними всякого рода революционной пропаганды, посещения митингом и влияния на них представителей крайних партий, не пожелали сесть на пароход «Ксения», который уже был готов к отходу в Батум, говоря: «что же нам идти – чтобы нас там взорвали». Когда же начальству удалось убедить казаков сесть на пароход, то пароходная команда, в виду пущенных слухов, что пароход с казаками будет взорван, отказались ехать с казаками. Такое же брожение стало замечаться среди казаков Урупского полка, которых агитаторы всячески старались привлечь на сторону революционеров или же убедить покинуть Новороссийск. И нужно сказать, что агитация шла довольно успешно, так как 4-ая сотня названного полка, расположенная в городе, отказалась посылать охрану губернатору и разъезды по городу.С этого времени администрация города, проявляя полное бездействие, потеряла всякое влияние на жизнь города и управление городом и Новороссийским округом стало переходить в руки крайних партий с организованным ими комитетом. Последний действовал совершенно открыто, производил сборы на вооружение, на поддержание бастовавших рабочих, указывал время закрытия и открытия лавок и обращался к населению с разного рода революционными

воззваниями. Этим же комитетом были исполнены все подготовительные работы к выборам нового революционного органа для управления городом и округом - совета рабочих депутатов. В 20-х числах ноября исправляющий дела губернатора Березников, желая обсудить и принять меры к прекращению противоправных действий городской охранной стражи, продолжавшей не только закрывать магазины во время митингов, проводить обыски, а также сборы на закупку оружия, но и требовать от городовых выдачи оружия и присоединения к ним обещая им за это в настоящем большое жалованье, в будущем – «землю и волю», - созвал совещание, куда были приглашены городской голова Никулин, секретарь городской управы, он же начальник городской охранной стражи Петров, полицмейстер и местный прокурорский надзор.Здесь Никулину было указано на то, что охранники вместо прямого их назначения – оказывать помощь полиции – присвоили себе функции судебных и административных властей, что в охрану принимаются лица с крайним направлением и без справок в полиции о благонадежности таких лиц. Никулин и Петров, защищая вообще охранников, сказали, что им неизвестны такого рода действия со стороны охранной стражи и что указанные незаконные действия учиняются не городской охраной, а милицией социал-демократической партии, ничего общего с городской охранной стражей не имеющие. Тогда один из членов собрания, относясь критически к организации городской охраны вообще, прямо высказал свое недоверие к этой охране, так как под видом якобы помощи полиции скрывается милиция социал-демократов. Хотя Никулину и Петрову не понравилось такого рода недоверие, тем не менее они обещали принять соответствующие меры и допускать в охрану лиц, одобренных полицмейстером, которому и обещали представить список охранников. Как Никулин и Петров выполнили свое обещание, видно из того, что 29 ноября черноморский губернатор Березников пишет Никулину подтверждение, чтобы городские охранники не выходили из пределов своих обязанностей, не вмешивались в дела, относящиеся исключительно до ведения полиции, и не арестовывали бы нижних воинских чинов, на что они право не имеют.После описанной выше демонстрации в

память севастопольских событий, поденные рабочие пристаней, амбаров и элеватора сами к работам не приступали и не позволяли также работать артельным рабочим.Переговоры между поденными и артельными рабочими в коммерческом агентстве не привели ни к каким результатам. По договору, выгрузкой и погрузкой пароходов занимались артельные рабочие за определенную плату, но так как они не успевали сами исполнить в срок всей работы, то приглашали от себя поденных рабочих, которым платили гораздо меньше, сем сами получали. Поденные рабочие были этим недовольны и требовали уничтожения артелей и предоставления работы всем рабочим на одинаковых условиях. Артель, соглашаясь на уничтожение договора с агентством, требовала возвращения всей условной платы – 140.000 рублей до окончания договора. Во главе поденных и артельных рабочих находились лица, принадлежащие к местной группе социал-революционеров, ничего общего с этими рабочими не имеющие. Некоторые из них содержались под стражей по обвинению их в государственных преступлениях и, будучи освобождены после указа 21 октября из тюрьмы, стали агитировать среди рабочих. Такими агитаторами главным образом были приказчик по хлебной части городского головы Никулина Гольман и слесарь Новороссийского депо Зеленя.Благодаря их речам поденные рабочие не желали идти на соглашение и настаивали на совершенном уничтожении артелей. 25 ноября и.д. губернатора Березников с целью прекращения забастовки собрал в свою канцелярию совещание из лиц всех заинтересованных сторон, а равно представителей городского управления и администрации, куда были также приглашены представители от артельных и поденных рабочих Гольман и Зеленя. Долго не могли прийти ни к какому соглашению, так как представители поденных рабочих настаивали на уничтожении артелей, а представитель артельных рабочих требовал 142.000 рублей от коммерческого агентства. Наконец, представитель Общества Владикавказской железной дороги Губский предложил 10 % надбавки к заработной плате, после чего Гольман и Зеленя обещали прекратить забастовку. Однако работы все-таки не начались и все дальнейшие попытки как присланного управлением железной

дороги инженера Дунина, так и самих экспортеров ни к сему не привела.

Составитель: Под ред. А.Л. Сидорова, М., 1955-1957.